

УДК 821.161.1.09

**ЛОГИЧЕСКИЕ СХЕМЫ РАЗВЕРТЫВАНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

А. А. Дударева

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

Предметом настоящей статьи является описание логических схем развертывания щедринского текста. Особое внимание в исследовании уделено щедринской терминологии и психоаналитическому комментарию к его текстам.

Ключевые слова: *русский язык и литература, лексика, семантика, синтаксис, поэтика*

То, что творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина (как и Ф. М. Достоевского) дает богатый материал для психоаналитического толкования, общеизвестно. Однако, прежде всего, в поле зрения исследователей попадают «Господа Головлевы» с четко выраженной негативной эдипальностью. «История одного города» остается в тени, поскольку центральная тема ее другая: история государства, а не семьи. Между тем, чем, собственно, семья так разнится от государства (тем более в художественном мире писателя)? Кроме того, остаются другие уровни произведения, не менее, а может быть, и более значимые для психоаналитических толкований. При первом же прочтении романа бросается в глаза его очевидная эротичность. Достаточно вспомнить сюжеты «Сказания о шести градоначальницах», «Голодного города», «Соломенного города», «Поклонения мамоне и покаяния». Амалия Штокфиш (третья градоначальница) «жила у градоначальника в помпадуршах» [3, с. 301], Анелька, Дунька и Матренка «не раз бывали у градоначальников для "лакомства"» [3, с. 301]. Ту же роль у Фердыщенко выполняли Аленка и Домашка.

Любовные подвиги Микаладзе привели к окончанию его административной деятельности: «Микаладзе умер... от истощения сил» [3, с. 357]. Тем же занимался и Грустилов, который «...однажды, одевшись лебедем, ... подплыл к одной купавшейся девице, дочери благородных родителей, у которой только и приданого было, что красота, и в то время, когда она гладила его по головке, сделал ее на всю жизнь несчастною» [3, с. 378]. Кроме того, некоторые действия его могут быть соотнесены и с мазохизмом (весьма, правда, своеобразным): «В тот же день Грустилов надел на себя вериги (впоследствии оказалось, впрочем, что это были просто помочи, которые дотоле не были в Глупове в употреблении) и подвергнул свое тело бичеванию» [3, с. 388]. Потом выяснится, что и «шелеп, которым он бичевал себя, был бархатный» [3, с. 388]. Заметим, что последняя его пассия пользовалась духами *violettes de Parme*, а фиалки в психоаналитических толкованиях символизируют насилие. Эротизм сохраняется и на метасюжетном уровне. В библейском сказании об Ахаве и Иезавели (сюжетная основа «Голодного города») Иезавель выступает как символ греха (само имя значимо, оно появится еще раз в Апокалипсисе: «Но имею немного против тебя, потому что ты попускаешь жене Иезавели, называющей себя пророчицей, учить и вводить в заблуждение рабов Моих, любодействовать и есть идоложертвенное» [2, с. 321]). Столь же двусмысленна и интерпретация в романе

сюжета об Иродиаде (заметим, что имя первой градоначальницы – Ираидка). В данном случае весьма характерно обыгрывание мифопоэтической оппозиции верха и низа (трансформированной, напомним, в фаршированную голову /голова Иоанна на блюде во время пира, мудрость, заключающаяся в голове, народно-этимологическая связь мудрости с низом – *mudě/* градоначальника). В главе «Поклонение мамоне и покаяние» эта оппозиция сохраняется в противопоставлении Перуна и Волоса, при этом знатные горожане поклонялись Перуну, «мужики, мещане и краснорядцы победнее... кланялись в это время Волосу» [7, с. 378] (что соответствует славянской мифологической традиции). Наконец, эдипальным в чистом виде является рассказ об Угрюм-Бурчееве. Здесь необходимо небольшое пояснение. «Ясно, что базисом эдипальности является транзитивная операция. Ребенок (x) соотносен (R) как с отцом (y), так и с матерью (z), откуда родители оказываются – в детском восприятии – сопряженными между собой тем же отношением R: если xRy и xRz , то yRz . Ребенок не способен отличить свою связь со старшими в семье от связи, соединяющих старших друг с другом. Он аналогичен родителям. Если бы не он (не *tertium comparationis*), не было бы и родительского союза. Ребенок в качестве звена, связующего отца и мать, ощущает себя, – должен был бы заключить Фрейд, – главенствующей фигурой в семье» [4, с. 87]. Транзитивную операцию (принцип аналогии) Угрюм-Бурчеев распространяет на всех и на все. Его «систематический бред» уравнивает всех (по его образу и подобию): «все... были снабжены одинаковыми физиономиями, все одинаково молчали и все одинаково куда-то исчезали» [3, с. 403]. Сам Щедрин называет Угрюм-Бурчеева «нивеллятором», замечая, что для «нивелляторов», «ежели человека, ради сравнения с сверстниками, лишают жизни... для сохранения общественной гармонии это полезно, даже необходимо» [3, с. 402]. Более того, все унифицирующий «бред» нового градоначальника распространяется не только на людей, но на город и, что самое интересное, на реку, на природный объект. Последнее особенно важно. Угрюм-Бурчеев вступает в борьбу не только с людьми (обществом), но и с природой, пытаясь замещать, таким образом, позицию Бога. Он: «...был убежден, что стоит только указать: от сих мест до сих – и на протяжении отмеренного пространства наверное возникнет материк, а затем по-прежнему, и направо и налево, будет продолжать течь река» [3, с. 408]. Это уже, казалось бы, предел эдипальности. Однако образ Угрюм-Бурчеева включает еще одну очень важную черту. Ребенок на эдипальной стадии развития выходит из биологического состояния, он начинает осознавать себя частью социума. Угрюм-Бурчеев же достигает полного «упразднения естества»: «Ни в фигуре, ни даже в лице врага человеческого не усматривается особой страсти к мучительству (заметим, что эдипальная стадия идет в развитии ребенка вслед за истерической и садистской), а видится лишь нарочитое упразднение естества» [3, с. 399]. И вполне закономерно в завершении его правления появляется *оно*. Эдипальность романа проявляется и на собственно языковом (логическом) уровне. Только проявляется она наоборот: строя высказывание (или повествование) Щедрин (не М. Е. Салтыков, а его литературная маска) постоянно нарушает эдипальную логику (транзитивности), следуя иным логическим схемам. Наиболее частотны у Щедрина высказывания, построенные в логике контрадикторных противопоставлений (A – не A) (кастрационная логическая модель: Кастрационный характер строит модель мира, подчиненную логике иррефлексивности, согласно которой предметы не тождественны самим себе: $x = x$, т.е. $x = ((x) \& (-x))$ [4, с. 27]). В «Истории одного города» подобных

высказываний достаточно много, и они играют важную роль, являясь как бы комментариями к тексту: «Прежде всего необходимо было приучить народ к учтивому обращению, и потом уже, смягчив его нравы, давать ему настоящие якобы права. С точки зрения теоретической такой взгляд, конечно, совершенно верен. Но, с другой стороны, не меньшего вероятия заслуживает и то соображение, что как ни привлекательна теория учтвого обращения, но, взятая изолированно, она нимало не гарантирует людей от теории обращения неучтвого (как это и доказано впоследствии появлением на арене истории такой личности, как майор Угрюм-Бурчеев), и, следовательно, если мы действительно желаем утвердить учтвое обращение на прочном основании, то все-таки прежде всего должны снабдить людей настоящими якобы правами» [3, с. 354]. Логическое строение данного рассуждения достаточно характерно для Щедрина. Центр его составляет обратимое контрадикторное противопоставление учтвого – неучтвого обращения (любопытна отсылка именно к Угрюм-Бурчееву). При этом весьма показательно развертывание высказывания через снятие оппозиции с одной – другой стороны с возвратом к исходному утверждению, но уже с отрицанием его (сначала все-таки права, а потом учтвое обращение). Кроме того, общую семантику рассуждения усложняет появление модальности (авторской оценки): не права, а *якобы* права. В результате логическая схема становится крайне запутанной и никак не вписывается в транзитивную логику аналогий.

У Щедрина достаточно частотны высказывания, построенные в панкогерентной логике, возникающей на стадии инфантильной истеричности. Согласно ей, «чтобы связать предметы, не нужно указывать на основание связи, не нужно ее аргументировать. Их соотносимость не определяется их качествами. Поэтому все сопряжено со всем. Релевантна связь как таковая, не имеющая никакой более точной характеристики» [4, с. 140]: «Что названия произвольны и весьма редко что-либо изменяют – это очень хорошо доказал один из преемников Двоекурова, Бородавкин. Он тоже ходатайствовал об учреждении академии, и когда получил отказ, то, без дальнейших размышлений, выстроил вместо нее съезжий дом. Название изменилось, но предложенная цель была достигнута – Бородавкин ничего больше и не желал» [3, с. 305].

Сравнение академии и съезжего дома (особого помещения при полиции, где проводились телесные наказания) можно было бы посчитать мотивированным, если бы не было рассуждения о произвольности названий. В такой логике действительно все можно сравнить, если это отвечает цели сохранения административного произвола. Подобные сравнения возникают и при создании особой щедринской «терминологии». В «Истории одного города» к таковой относятся: «излюбленные», «братцы», «робята», «опасно ходить», «калякать», «отпадшие» и др. (все они даже в тексте выделены кавычками). Характерной чертой подобных терминообразований является то, что они приложимы практически ко всем субъектам (или объектам) повествования. Например, «отпадшие» определяются Щедриным следующим образом: «Явились так называемые "отпадшие", то есть такие прозорливцы, которых задача состояла в том, чтобы оградить свои спины от потрясений, ожидающихся в будущем» [3, с. 316]. Это термин наоборот, поскольку, согласно формальной логике, у термина должен быть максимально широкий интенционал при максимально узком экстенционале (чем больше количество признаков понятия, тем меньшее число объектов с ним может быть соотнесено). В эту же логику вписываются высказывания с рассогласованием, когда один глагол (или существительное)

объединяет совершенно разные понятия: «Я человек простой-с, – говорил он одним, – и не для того сюда приехал, чтоб издавать законы-с. Моя обязанность наблости, чтобы законы были в целости и не валялись по столам-с» [3, с. 365].

Во многих случаях в щедринском тексте логика отсутствует вообще. Языковые и повествовательные связи оказываются немотивированными. Так, становится возможным употребление совершенно неожиданных эпитетов («Тогда поймали Матренку-ноздрю и начали вежливенько топить ее в реке» [3, с. 301]) или нарушение грамматических норм («когда гулящая девка, Танька Корявая, чуть-чуть не подвела всего города под экзекуцию» [3, с. 283]). В повествовательной структуре романа также нарушаются логические связи между событиями. В «Сказании о шести градоначальницах» каждый сюжетный ход сопровождается разнообразными смертоубийствами горожан: «Опять шарахнулись глуповцы к колокольне, сбросили с раската Тимошку да третьего Ивашку, потом пошли к Трубочистихе и разорили ее заведение, потом шарахнулись к реке и там утопили Прошку да четвертого Ивашку» [3, с. 294]. И все это после утверждения второй градоначальницы.

Щедрин часто намеренно отказывается от однозначного комментария: «Но Бородавкин молчал. Почему он молчал? потому ли, что считал непонимание глуповцев не более как уловкой, скрывавшей за собой упорное противодействие, или потому, что хотел сделать обывателям сюрприз, – достоверно определить нельзя» [3, с. 351].

Иногда заявленный комментарий отсутствует вообще. В главе «Известие о Двоекурове» есть отсылка (издателя) к записке Двоекурова «о необходимости учреждения в Глупове академии», однако в «Оправдательных документах» она не приведена, хотя должна была бы сыграть существенную роль при объяснении административных начинаний градоначальника. Нельзя не сказать и о комментариях издателя (в сносках) и летописца (в тексте). Издателем объясняются, в основном, несообразности повествования, однако его комментарий или еще больше запутывает нарративную схему, противореча подразумеваемому «летописному» тексту (как в заключении главы «Органчик»), или еще ярче подчеркивает немотивированность событий или фактов. Так, по поводу «критического анализа недоимочных реестров» издатель приводит следующее пояснение: «Очевидный анахронизм. В 1762 году недоимочных реестров не было, а просто взыскивались деньги, сколько с кого надлежит. Не было, следовательно, и критического анализа. Впрочем, это скорее не анахронизм, а прозорливость, которую летописец, по местам, обнаруживает в столь сильной степени, что читателю делается даже не совсем ловко. Так, например (мы увидим это далее), он провидел изобретение электрического телеграфа и даже учреждение губернских правлений» [3, с. 283–284].

Комментарии летописца подчеркнута философичны, однако в этом они не соответствуют ничтожности описываемых событий. Введение в повествование голосов разных субъектов речи в романе не направлено на более объемное (всестороннее) описание предметов и событий, поскольку они противоречат друг другу, они лишь запутывают повествование и создают комический эффект.

Все вышесказанное свидетельствует о сознательной борьбе Щедрина на уровне языка и синтагматики повествования с транзитивной логикой. Однако избежать эдипальных ловушек на более высоких (идеологических) уровнях текста писателю не удастся. Заметим, что то же самое происходит и с Достоевским. Особенности его идиолекта и повествовательной манеры разительным образом

совпадают с щедринскими: нарушения грамматических норм, согласование несогласуемого, необычные эпитеты, своя терминологизация, алогизм и немотивированность повествования, гетероглоссия и др. Но вряд ли в русской литературе есть более «удобный» писатель для психоаналитических толкований в рамках эдипова комплекса.

Приведенный нами комментарий к «Истории одного города» позволяет по-новому взглянуть на достаточно известные факты, еще раз показать неразрывную связь трех ведущих тем творчества Щедрина (семьи, собственности и государства) и представить его действительно как языковую *личность*.

Список литературы

1. Лихачев Д. С. «Небрежение словом» у Достоевского; «Летописное время» у Достоевского; «Предисловный рассказ» Достоевского // Лихачев Д. С. Литература – реальность – литература. Л.: Советский писатель, 1984. 72 с.
2. Новый Завет. Псалтирь. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. 472 с.
3. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. (24 кн.). М.: Худож. литература, 1970. Т. 8: Помпадуры и помпадурши 1863–1874. История одного города 1869–1870. 434 с.
4. Смирнов И. П. Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 1994. 352 с.

LOGICAL DEPLOYMENT ARTISTIC TEXT M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN

A. A. Dudareva

Tver State University
The department of Russian language

The subject of this article is to describe the logic circuits deployment Shchedrin's text. Special attention is paid to the study of terminology and psychoanalytic comment to his texts.

Key words: *English language and literature, vocabulary, semantics, syntax, poetics*

Об авторе:

ДУДАРЕВА Алла Адамовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: alladamova@mail.ru.